

Рэймонд Смаллиан Планета без смеха¹

I. Современный Период

Однажды, жила-была вселенная. И в этой вселенной была планета. На этой планете совершенно не было смеха. Ничего, подобного “юмору” не было известно. Люди никогда не смеялись, не шутили, не остряли, не подкалывали, не делали вообще ничего в таком духе. Обитатели планеты были крайней серьёзными, сознательными, правдивыми, трудолюбивыми, прилежными и высокоморальными. Но о юморе они не знали ничего. Все, за исключением меньшинства, которые имели *некоторое* чувство того, чем является юмор. Эти люди периодически смеялись и шутили. Их поведение было крайней тревожным для всех остальных и считалось явно патологическим феноменом. Этим людей называли “весельчаки”, и они сразу госпитализировались. Тревожным были не столько странные звуки, которые они издавали, и своеобразные выражения лица, которые у них появлялись, когда они “смеялись”, сколько крайне патологические вещи, которые они говорили! Казалось, что они потеряли всякое чувство реальности. Они произносили вещи, которые были совершенно иррациональны, а иногда и внутренне противоречивы. Короче, они вели себя в точности так, как и те, кто заблуждался или галлюцинировал, так что их помещали в психиатрические госпитали.

Мнение медиков относительно причин заболевания “юмором” были различными. Некоторые доктора верили, что причины органические, другие — что это функциональное расстройство, некоторые заявляли о химической несбалансированности, а другие считали, что это чисто психогенное и зачастую возникает из-за пагубного влияния окружения. На самом деле, последнее заявление поддерживалось тем, что, как было полностью доказано, “смех” — это нечто заразное — некоторые нормальные люди становились весельчаками только из-за повторяющихся контактов с другими весельчаками. На самом деле, это являлось ещё одной причиной крайней опасности весельчаков — они не только галлюцинировали сами, но и имели тенденцию заражать этими галлюцинациями других! Так что они госпитализировались не только для собственной безопасности, но и для безопасности общества.

В любом случае, широко известный феномен “контакта со смехом” добавлял убедительности теории о том, что смех имел психогенное происхождение. К несчастью, ни один психиатр, применяющий функциональную теорию в отношении весельчаков, не имел никаких терапевтических результатов. Ни один весельчак не был полностью вылечен с помощью чисто аналитических методик. С другой стороны, те психиатры, которые использовали химиотерапию, производили заметные результаты! Одно лекарство, названное “смехозон” было совершенно изумительным. Оно давало лучшие результаты при введении внутривенно, но мог использоваться и перорально. Эффект от всего лишь одной дозы продолжался шесть или семь месяцев. Практически сразу же после приёма, пациент переставал смеяться, также оттаивалась вербальная активность, именуемая “шутками”, а вместо этого начинал кричать. Крики переходили на неистовый и агонизирующий уровень в течение двенадцати минут, и оставались на этом уровне весь шести- или семимесячный период. Пациент просто лежал и кричал час за часом, день за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем. И наиболее удивительным во всём этом было то, что в течение этого кричащего периода пациент никогда не смеялся, ни шутил и даже не улыбался. Да, лекарство было действительно феноменальным!

---

¹ «Planet Without Laughter» from «This Book Needs No Title: A Budget of Living Paradoxes» by Raymond Smullyan (Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1980)

Перевод — [Сумароков Стас](http://www.think-it.ru), специально для www.think-it.ru, сентябрь 2005.

Распространение текста в неизменном виде (включая эту сноску) разрешено. По вопросам публикации в офф-лайн изданиях, обращайтесь по адресу other@think-it.ru.

Однако, не все доктора были полностью удовлетворены. Некоторые считали, что побочные эффекты этого лекарства в форме криков, возможно, были даже более разрушающими для пациента, чем изначальный смех. Они указывали на то, что пациент выглядел “счастливее” будучи весельчаком, нежели крикуном. Оппоненты заявляли, что хотя пациент и был счастливее в первоначальном состоянии смеха, чем в состоянии крика, но в состоянии крика он был менее заблуждающимся или галлюцинирующим, чем в состоянии смеха. Они говорили: «Чем хорошо такое счастье, если оно базируется на психических иллюзиях? Разве не лучше избавиться от этих отклонений, даже если процесс болезнен? В конце концов, кто захочет жить в раю среди дураков?» Это был аргумент, с которым сложно поспорить! Тем не менее, некоторые доктора предпочитали видеть своих пациентов в их счастливых, более естественных состояниях юмористического психического отклонения, чем в более реалистично-ориентированных состояниях крика, которые, казалось, были невероятно болезненными.

То, за счёт чего работает лекарство смехозон, являлось вопросом, на который не было дано удовлетворительного ответа. Всё, что было точно известно — это то, что *создаёт* эффект. Конечно, существовало множество взаимно конфликтующих теорий, но ни одна из них не была полностью удовлетворительной. Одна теория утверждала, что до лечения весельчак жил большей частью в мире своих фантазий и его проблемой было то, что он часто путал их с реальностью. Удивительно, что эта путаница была более приятной, нежели болезненной. Другими словами, весельчак действительно *наслаждался* этим перепутыванием фантазии и реальности. Лекарство же полностью избавляло пациента от его фантазий. Когда пациента впервые “распутывали”, он больше не жил в мире фантазий, а видел реальность такой, какой она является. Однако, реальный мир выглядел, в действительности, настолько менее приятным и красивым, чем мир фантазий, что контраст был непереносимым и приводил к шоку, выражающемуся в крике.

Это была одна теория. Другая теория утверждала, что лекарство, фактически, не лечило вовсе — то, что называлось “лечением” было притворством и обманом. Всё, что делало лекарство (исходя из мнения этой школы) было причинение непереносимых физических и невротических страданий принимающему, и пациент кричал из-за боли, вызванной лекарством. Эта группа утверждала, что пациент переставал смеяться и шутить лишь по причине того, что ему было невыносимо больно. В поддержку своей теории, они приводили те факты, что весельчаки, которые не были госпитализированы, весельчаки за пределами госпиталей, когда они попадали в автомобильные аварии или получали физические повреждения, чаще всего переставали смеяться на некоторое время. Весельчаки, когда они болели или испытывали физическую боль, некогда не смеялись и редко шутили. Также весельчаки, которые потеряли мужа или жену, брата или сестру, или ребёнка, или близкого друга, насколько известно, переставали смеяться на несколько месяцев. Все эти свидетельства указывали на то, что боль, неважно физическая или психологическая, каким-то образом была противоположна смеху, так что, по аналогии, будет справедливым заключить, что боль от лекарства только временно “убивала”, а не “лечила” весельчака. Приверженцы теории также предполагали, что если нормальный человек, т.е. не весельчак, примет это лекарство, то он будет переживать невыносимую боль и станет крикуном. Так что кричащие пациенты не были “деиллюзионированы” или “внезапно реалистично-ориентированы» или что-либо ещё подобное; крики основывались на нормальной химической реакции на лекарство. Однако это гипотеза не были ни доказана, ни опровергнута, та как крики пациентов были такими пугающими, что не нашлось ни одного добровольца, согласного испытать лекарство на себе. Так что смехозон остаётся загадкой по сей день.

После шести- или семимесячного периода пыток пациента, они, по неизвестной причине, впадают в состояние глубокой депрессии на несколько недель, иногда дольше. После этого они постепенно выздоравливали, и первоначальные симптомы смеха и шуток постепенно возвращались. Доктора обнаружили, к своему неудовольствию, что лечение было только временным, так что они проводили своих пациентов через процедуру снова. Врачи говорили:

«Да, мы будем проводить эту процедуру снова и снова до тех пор, пока пациенты не излечатся навсегда». Обычно, после третьего лечения, особенно если химические процедуры совмещались с психоаналитической обработкой во время периодов выздоровления, чудо случалось, и пациент выглядел, как полностью излеченный. В психоаналитической части лечения, психиатр осторожно объяснял пациенту, что тот живёт в мире фантазий и что, когда он столкнется лицом к лицу с реальностью, то поначалу он может найти это весьма болезненным. Невероятно, но после, как правило, третьего лечения, пациент действительно соглашался с тем, что психиатр прав! Он говорил: «Теперь я понимаю, что Вы абсолютно правы. Я действительно жил в состоянии, в котором я постоянно путал фантазии и реальность, более того я верил в существование сущности, именуемой “юмор”. Да, я действительно верил, что это нечто реальное, а не более чем плод моего воображения. Но сейчас я вижу свет. Я понял, как я ошибался! Это лечение лекарствами совершило чудо в том, чтобы дать мне осознать, каким сумасшедшим я был! Действительно, когда от лекарства я впервые увидел вещи такими, как они есть, я понял, что они *не смешные!* Как вы и предполагали, доктор, моя встреча с реальностью в первые два или три раза была наиболее пугающей. Но хотите ли знать в чем прелесть этого, доктор? Я больше не боюсь реальности! После встречи с ней лицом к лицу несколько раз, я обнаружил, что она вовсе не пугающая. Теперь я *настроен* на реальность. Сказать по правде, доктор, я не думаю, что мне понадобится лекарство снова. Это правда, мне оно больше не нужно! Фактически, я полностью уверен, что я могу покинуть этот госпиталь в этот день и не *прельщаться* больше этой патологической активностью, известной как “юмор”. Да, доктор, я чувствую себя другим человеком! Более того, если я покину госпиталь, то, как экс-весельчак, я могу опознавать других весельчаков и даже потенциальных весельчаков намного лучше, чем тот, кто не прошёл через мой опыт, поэтому я могу приводить их в госпиталь на лечение».

Когда доктора слышали *такого* рода речи, то многие из них испытывали удовлетворение и быстро решали выпустить своих пациентов. Но последние исследования дали докторам причину для серьёзной обеспокоенности. Во-первых, экс-весельчаки никогда не приводили весельчаков или потенциальных весельчаков на лечение. Во-вторых, ходили весьма правдоподобные слухи о том, что экс-весельчаки, хотя и никогда не смеялись и не шутили на публике, делали это в частных и крайне скрытых общинах. Также, когда они встречали друг друга, то они собирались в группы со всеми признаками конфиденциальности. Так что многие доктора высказали гипотезу, что экс-весельчаки, возможно, вовсе не излечились, а, к всеобщему ужасу, только *притворялись*. Другими словами, предполагается, что пациенты, после всех процедур только симулировали психическое здоровье и были, получается, *неискренними*. Вывод этой гипотезы был настолько шокирующим, так как неискренность была неизвестна этой планете. По немногим сведениям об этом явлении, неискренность рассматривалась, как форма психоза, которая чрезвычайно редка.

Встал вопрос: что *сделало* этих экс-весельчаков неискренними? Несколько терапевтов смело предположили, что неискренность — это попросту то, что предпринимали пациенты, дабы избежать болезненного приёма лекарств в будущем, но эта гипотеза была полностью отклонена. Консенсус медицинских мнений заключался в том, что неискренность не была рациональной или преднамеренной, а была чем-то совершенно иррациональным и, вероятно, вызвана химическим дисбалансом. Предположили, что смехозон, сам по себе, кроме временного излечения психоза смеха, может являться тем агентом, который приводит к психозу неискренности. Так что доктора с грустью заключили: «Ситуация более депрессивная! Смехозон не только приводит лишь к временному излечению, но и, видимо, имеет ужасный побочный эффект, продуцирующий неискренность!» Некоторые из экс-весельчаков были возвращены в госпиталь, и лечение их смехозоном возобновилось, при этом одновременно ещё одно лекарство “неискреннозон” вводилось им для перевешивания эффекта “неискренности” от смехозона. Однако приемлемый баланс не был найден. Во время периодов выздоровления между лечениями двумя лекарствами, пациенты либо были искренними и смеялись, либо переставали смеяться, но демонстрировали характерные симптомы неискренности. Другими

словами, химией *не* получалось добиться того, чтобы пациент *искренне перестал смеяться*. Различные типы церебральной хирургии также были предприняты, но безрезультатно! Никакая наука не могла избавить этих опасных пациентов от болезни в по-настоящему искреннем смысле. На этом доктора подняли руки.

Позже я вернусь к судьбе смехопациентов.

II. Средний Период

Историю этой планеты можно поделить на три периода: Древний Период, Средний Период и Современный Период. В Современном Периоде вообще не было литературы по весельчакам, за исключением книг и периодики по аномальной психологии. Средний Период был переполнен смехо-литературой — включая все самые главные тексты. Эта литература совсем не содержала материалов, которые современные весельчаки называют “забавными”; тексты были всецело здоровыми, серьёзными, учёными, и с философским настроением. Эти тексты содержали большей частью анализ и комментарии к древним текстам. Древние записи были совершенно нефилософичны, в них никогда не говорилось о смехе или чём-то похожем. Древние письма были попросту тем, что в Среднем Периоде называлось “забавным”. Эти архаичные манускрипты содержали все виды непостижимо противоречивые материалы, называемые “шутки” или “забавные истории”. Основной целью Среднего периода было осмысление работ Древнего Периода. Философы Среднего Периода, особенно Раннего Среднего Периода, действительно восхваляли Древний Период и ссылались на него, как на “золотой век”, или более точно “золотой век юмора, когда люди могли свободно смеяться и шутить, по-настоящему наслаждаясь жизнью”. Эти писатели продолжали говорить об упадке смеха, как о трагедии, а не благе. Они указывали, что древние записи, несмотря на кажущуюся иррациональность и парадоксы, в действительности содержали чрезвычайно важный тип мудрости. Возможно, “мудрость” (говорили они) не совсем верное слово, так как эта “мудрость” была не видом знания, которое может быть приобретено через науку или разум. Чтобы воспринять значения древних текстов, необходимо обладать определённой, почти мистической способностью, названной “Юмор”. Более того, этот “Юмор” был необычным следствием большого количества очень парадоксального и якобы “иррационального” характера древних записей. Другими словами (и это то, что было очень загадочно!), Юмор не мог расцвести во всецело серьёзной и рациональной атмосфере.

Основная философская проблема Среднего Периода заключалась в том, действительно ли существует эта загадочная вещь, именуемая “Юмор”, или же это только воображение? Тех, кто верил в то, что она существует, называли *Про-Юмористы*, а тех, кто верил, что нет, называли скептиками или *Анти-Юмористами*. Среди Про-Юмористов существовали сильные разногласия в том, может ли существование Юмора быть установлено чистым доказательством или же оно может быть обнаружено только посредством веры. Про-Юмористы подразделялись на три сорта: *Рациональные* Про-Юмористы, которые утверждали, что существование Юмора может быть научно доказано; *Верующие* Юмористы, которые были уверены, что доказательство может быть чем-то полезным, но акт веры был ключевым; и, наконец, были “Мистики-Юмористы” (известные современности, как “весельчаки”), которые заявляли, что ни доказательство, ни вера ничуть не были полезны в постижении Юмора; единственно достоверный путь к этому, который известен, это прямое восприятие. Доказательство, говорили они, находится здесь и сейчас. Вера в существование Юмора, базирующаяся на *авторитете*, попросту означает, что вы не видите его сами. Если иметь *веру* в существование Юмора, то на чём будет базироваться эта вера? Базируется ли она на некоего рода *надежде*, что действительно существует такая вещь, как Юмор? Может ли быть так, что Верующие Юмористы верят, что если Юмор действительно бы существовал, то он был бы чем-то очень *хорошим* и, следовательно, так как они желают хорошего, они дают себе клятву прожить свои жизни так, как если бы Юмор действительно существовал? Да, похоже на то. Но, указывали Мистики-Юмористы, эта позиция с весьма благим намерением, была лишь печальным сви-

детельством того, что Верующие Юмористы не могут видеть юмор *напрямую*. Мистики-Юмористы продолжают повторять, что «если только вы видите юмор напрямую, то вам не требуются ни рациональные аргументы, ни вера, ни что-либо ещё в таком духе. Вы бы просто *знали*, что Юмор реален».

Эта фраза «видеть Юмор напрямую» часто подвергалась критике. Мистики-юмористы говорят (дословно): «Да, мы можем видеть Юмор во многих ситуациях. Жизнь пропитана юмором, если только вы можете видеть его». Скептические Анти-Юмористы отвечают: «Вы заявляете, что можете *видеть* юмор. Скажите мне, какого он цвета?». Мистики-Юмористы смеются и отвечают: «У Юмора нету никакого *цвета!*». Скептики продолжают: «О, так вы видите его в черно-белом цвете! Что ж, тогда какая у него *форма?*». «Он не имеет никакой формы или очертания». «Я в замешательстве! Юмор видим или невидим?». «Конечно он невидимый!» «Но я полагал, что вы говорили, что можете его *видеть*. Говорили ли вы, что можете видеть юмор в некоторых ситуациях?». «Да-да, я *говорил* это, но я не имел в виду “видеть” в буквальном смысле, как “видеть своими глазами”. Зрительное видение в действительности тут не нужно. Я использовал слово “видеть” в значении прямого восприятия, а не видения глазами. Восприятия, такого же прямого, как зрение, но при этом через другое чувство». «*Другое* чувство? Это чувство — слух? Если так, что на что юмор похож по звуку? Или его надо нюхать или трогать, или что? Каким из пяти чувств вы воспринимаете юмор, или это комбинация нескольких из них?». «Нет, это ни одно из пяти чувств, ни их комбинация. Это другое чувство, в некотором смысле, это нефизическое чувство, которое мы называем “чувство юмора”». «Боже, вы в самом деле имеете ввиду нефизическое чувство? Другими словами, вы о чем-то оккультном вроде телепатии или ясновидения? Но чистый научный подход подразумевает, что мы не должны верить во что-либо оккультное, следовательно, мы не можем верить ничему, кроме как тому, что Юмор — это нечто совершенно нереальное, всего лишь плод воображения».

Напрасно Юмористы-Мистики возражали, что нет ничего настолько менее оккультного, чем юмор — по правде говоря, идея о том, что юмор — это нечто оккультное определённо казалось им “забавным”. Они смеялись над идеей и говорили: «Если вам это чем-то поможет, то утверждение о том, что юмор оккультен — это тип утверждения, который мы называем “юмористическим”, и который приводит к нашему смеху. Нет абсолютно ничего оккультного в Юморе. Если только однажды вы увидите, что такое юмор, то поймете, что это одна из самых естественных вещей в мире, и что это невероятно приятно». Другая штука состоит в том, говорили “Мистичные Юмористы”, что сам ярлык “Мистик-Юморист” является совершенно неверным. Они заявляли, что нет ничего мистичного в юморе, даже мысль об этом *видится* мистичной для тех, кто имеет чувство юмора. Они говорили: «Почему бы не звать нас весельчаками, коими, по сути, мы и являемся?». Так что термин “Мистик-Юморист” постепенно заменился “весельчаком”. Отношение Верующих Юмористов к весельчакам представляет интерес. Не все из них верили в подлинность весельчаков. На самом деле, многих из них чрезвычайно завидовали тем, кто говорил, что может видеть Юмор напрямую. Они просто не верили, что весельчаки действительно могут это делать. И, в некоторых случаях, они были правы по причинам, которые будут объяснены ниже. Большинство же Верующих Юмористов не разделяли скептического отношения к весельчакам, а верили в них всем сердцем. Они знали, что весельчаки могут напрямую контактировать с тем, что Верующие Юмористы могут только обосновывать и принимать на веру. Так что они шли к весельчакам учиться. Некоторые из весельчаков считали, что их основная миссия в жизни — попытаться вернуть смех человечеству. Они известны, как “Мастера Смеха” и основывали общины, обычно в горах или на побережье, известные как “Монастыри Смеха”. В них мы сейчас и направимся.

III. Наставление

Верующие юмористы приходили в эти монастыри, садились у ног Мастеров Смеха, чтобы обучаться святому искусству Смеха. Методы инструктажа, используемые Мастерами

Смеха, значительно различались. Был один известный Мастер Смеха, Банкофф, который отрицал все ортодоксальные методы, и который заявлял, что на самом деле у него вообще нет метода. Он говорил: «Я думаю, что лучший метод — это просто *позабавить* их!» Многих Мастеров Смеха раздражало то, что их методы были так пренебрежительно отвергнуты Банкоффом, но они вынуждены были признать, что, как *практик*, Банкофф был лучше кого бы то ни было. Банкофф был тем, кого мы на этой планете называем “клоуном”. Людей просветляли не столько его *слова*, сколько его действия. Он вёл себя очень странным образом. Временами, посреди серьёзного “смехонаставления” он внезапно, безо всякой на то причины, делал серию кульбитов и кувырков, и, среди тысяч слушающих, один или два раздражались смехом впервые в своих жизнях. Они могли сказать: «О, *теперь* мы можем видеть, что на самом деле такое Юмор! Боже, эти кульбиты повлияли на нас больше, чем все прочитанные книги о философии смеха!» Некоторые другие Мастера Смеха пытались повторить техники кульбитов Банкоффа, но по каким-то причинам они никогда не достигали успеха. Это ощущалось как-то “плоско”, так что другие Мастера возвращались к чисто вербальным методам инструктажа.

Наставления были одной из стандартных техник. Иногда они были хороши, иногда — нет. Сейчас я воспроизведу одно из самых известных наставлений:

О, аспиранты смеха! Вы мужественно преодолели большие дистанции, чтобы поклоняться в храме юмора. Но, увы, ваши усилия направили вас не туда! Во-первых, вы сидите у наших ног и подходите к нам с позиции почитания. Вы думаете о нас, в каком-то смысле, как о “святых”. И никакие наши усилия не могут убедить вас, что очень почтительная природа вашего подхода — это то самое, что ограждает вас от смеха. Если бы только вы могли увидеть *юмор* этой ситуации! Вы относитесь к смеху, как к чему-то серьёзному и не можете поверить нам, когда мы уверяем вас, что нет абсолютно ничего серьёзного в юморе; юмор едва ли не полная противоположность серьёзности. Ситуация такая странная! С одной стороны, вы точно знаете, что мы находимся в непосредственном контакте с юмором, что мы переживаем его из первых рук, но ваши предубеждения о “теории юмора” ввелись в вашу глубинную сущность, так что вы не верите тем вещам, которые мы говорим о смехе. Вы думаете, что раз вы прочитали все великие книги о философии смеха, то вы знаете о нём больше, чем мы; мало того, вы знаете, что мы можем смеяться, а вы — нет. Кажется, что вы считаете, что знание о смехе чем-то более важно, чем способность смеяться. И вы говорите, что ваши суждения о смехе более верны, чем наши. Вы продолжаете говорить, что способность смеяться не даёт возможность весельчаку знать, что такое смех в действительности; только “анализ”, по вашему мнению, способен сделать это. Вы похожи на некоторых философов искусства, которые чувствуют себя выше работающих артистов и художников и верят, что они действительно знают о чём “всё это” искусство лучше, чем сами художники. Вы также напоминаете некоторых философов науки, говорящих «Работающий учёный крайне редко знает, чем в действительности является наука». Или как некоторые логики, которые говорят: «Большинство математиков, даже когда они доказывают великие теоремы, на самом деле не знают, что они делают». Да, ваш подход к нам имеет такую же природу. Вы поклоняетесь нашей способности смеяться, несмотря на то, что мы говорим вам, что поклонение — совершенно неверный подход. Мы допускаем, что поклонение может оказаться полезным для достижения других целей в жизни, но смех никогда не может быть обретен через поклонение. Если бы вы только посмеялись над нами, вместо того, чтобы поклоняться нам, то вы бы были на верном пути. Но вы даже не понимаете, что мы имеем в виду, говоря это. Вы настаиваете на том, что смех — *это* нечто серьёзное, несмотря на всё, что мы говорим. Вы говорите: «Только то, что вы утверждаете, что это не серьёзно вовсе не означает, что это обязательно так. Возможно, это очень серьёзно, просто вы не смогли распознать эту серьёзность». Что мы можем сказать вам, когда вы так говорите с нами? Всё, что мы можем сказать: «Мы полагаем, что мы не можем научно и логически доказать, что юмор не серьёзен. Мы просто *знаем*, что он не таков.

Мы извиняемся за то, что это звучит неразумно и догматично, но всё, что мы можем сделать, это уверить вас, что когда вы однажды обретёте чувство юмора, тогда вы тоже будете знать, что юмор — это нечто, что не серьёзно».

Позвольте мне теперь остановиться на некоторых более конкретных ошибках, которые вы совершаете — каковы те ложные пути, которым вы считаете необходимым следовать, и верите, что они непременно приведут вас к обретению чувства юмора. Во-первых, практически никто из вас не может стряхнуть с себя совершенно ошибочное убеждение, что необходимо совершать решительные и непреклонные *усилия*, чтобы приобрести чувство юмора. Похоже, что все вы верите, что чувство юмора — это что-то, что вы должны заслужить своими усилиями. Вы относитесь к смеху, как к награде за вещи, которые *делаете*. Также вы считаете смех *вашим собственным действием* — чем-то, что вы активно делаете, а не чем-то, что случается с вами. Вам, может, будет трудно в это поверить, но большая часть нашего смеха произвольна. Иногда мы не можем *помочь* засмеяться. В некоторых юмористических ситуациях, смех просто овладевает нами, он приходит сам по себе, как икота. В любом случае, чувство юмора — это не что-то, чего вы можете достичь своими усилиями. Основное, где пригодятся ваши усилия — это преодоление собственных предвзятых убеждений о том, что усилия абсолютно необходимы для обретения чувства юмора. Мы понимаем то затруднение, в котором вы находитесь. Вы говорите: «Хорошо, но если мы будем сидеть и ничего не делать, мы не обнаружим себя смеющимися. Как же мы научимся смеяться, пока мы не будем делать *некоторые усилия* для этого?» Мы думаем, что это самый сложный для ответа вопрос в мире. Кажется, что вы окажетесь в ловушке, в каком бы направлении не двигались: если вы ничего не делаете, то не засмеётесь; и если вы что-то делаете, то вы не засмеётесь. Как тогда вам засмеяться? Да, мы прекрасно понимаем вашу проблему и хотели бы дать вам всецело рациональный ответ. Но, к сожалению, мы не можем. Возможно, наша неспособность сделать это не слишком сильно отличается от вашей неспособности смеяться. В любом случае, мы не можем вам помочь, отвечая на этот вопрос; мы можем только обратиться к другим методам. Одна вещь, которая, по нашим ощущениям, может помочь, это указание на то, как большинство ваших усилий уведут вас в неправильное направление. Позвольте мне обозначить четыре основных неверных пути.

1. Некоторые из вас используют подход, который слишком объективен и научен. Вы читаете всю литературу по философии юмора, которую можете найти. Вы проводите скрупулёзный анализ того, что слово “юмор” может “означать”. Вы продолжаете искать всё более и более лучшие определения слова “юмор”. Другими словами, вы пытаетесь определить слово “юмор” в терминах и словах, значения которых вам уже известны. Но это совершенно невозможно! Слово “юмор” попросту неопределимо в терминах, которые вы уже понимаете. Единственный путь понять, что действительно означает слово “юмор” — это приобретение чувства юмора. А в этом логика и наука — последнее, что может помочь. Пожалуйста, не поймите нас неправильно, всё это аналитическое изучение юмора имеет большую ценность для психологии и теории познания. Но это должно быть предпринято *после*, а не перед обретением чувства юмора. Изучение, предпринятое первым, не поможет вам, но зачастую может принести вам вред. Почему это может повредить? Потому что ваш очень непреклонный, строго научный подход переведёт вас во фрейм разума, в котором юмор, вероятно, не придёт к вам. Некоторые из вас, возможно, удивлены моей фразой “придёт к вам”. Да, это именно так! Очень часто юмор — это что-то, что именно приходит к вам! Это наша точка зрения, которую вам так трудно ухватить. Если бы вы только расслабились, только позволили отпустить себя, только дали юмору придти к вам, то так бы и случилось. Но нет, вы решительно гонитесь за ним своими серьёзными обучениями, и в итоге вы его успешно отгоняете.

2. Следующим неверным мнением, которого придерживаются многие из вас, является то, что чувство юмора достигается через *нравственность, мораль*. Вы думаете,

что если проведете *хорошую* жизнь, то будете вознаграждены этим чувством юмора. И руководствуясь этим, вы начинаете совершать хорошие деяния, в надежде на эту награду. Но вы вообще не в теме! Мы не против нравственности — многие из нас дорожат этическими принципами в жизни, но мы настаиваем, что это никак ни приближает к появлению у вас юмора. Где вы подхватили это ложное мнение, что вы должны “заслужить” чувство юмора, ведя себя праведно? И почему вы приняли это убеждение? На самом деле моральные качества весельчаков, в целом, не отличаются от них же у невесельчаков. Конечно, некоторые из наших весельчаков прекрасные люди, но другие отъявленные негодяи. Нравственность ничего не сделает с вашей проблемой.

3. Очень близко к этому стоит совершенно ужасная идея некоторых из вас, утверждающих, что юмор придёт к вам только через серию отвратительных аскетических практик. Вы морите себя голодом, практикуете сексуальное воздержание, бичуете и другими способами калечите собственные тела, надеясь, что сильная боль поможет вам вкусить фрукт юмора. Но это никогда не произойдёт, даже не сомневайтесь! Чем больше вы причиняете себе боли, тем менее возможным становится наслаждаться юмором. Есть редкое исключение из этого, которые мы называем “смех сквозь слёзы”, который возникает в болезненных ситуациях. Но этот тип смеха крайне редок и, более того, ему невозможно научиться до того, как вы научитесь нормальному, приятному смеху. Да, юмор действительно приятен, и не может быть достигнут в нездоровой атмосфере аскетизма.

4. Наиболее коварная ошибка из всех — это попытка научиться юмору, попросту *имитируя внешние формы поведения весельчаков*. Это ошибка такая мудрёно-обманчивая и опасная, и нам так сложно её исправлять! Вы внимательно прислушиваетесь к звукам нашего смеха и пытаетесь сами издать такие звуки. Некоторые из вас довольно хороши в этом звукоподражании, но вам не обмануть нас! Даже если ваша имитация превосходна, вы всё равно смеётесь не более реально, чем попугай понимает язык, которому он подражает. Вы спрашиваете нас, как мы знаем, что ваш смех неискренен, и мы отвечаем: «Просто он не *звучит* нормально». Вы просите нас быть более специфичными и “исправить” ваш смех, а наиболее научно мыслящие из вас просят нас провести акустический анализ разницы между настоящим смехом и имитацией. Вы спрашиваете нас: «Неправильная высота звука? Или это из-за неверного выбора времени? Что является *тем самым* в нашем смехе, что неверно?» Вы выглядите расстроенными, так как мы не предпринимаем попыток ответить на этот тип вопросов. Во-первых, мы не можем дать вам чисто научное описание, почему ваш смех звучит неубедительно, акустический анализ синусоидальных волн — последнее, что может в этом пригодиться. Возможно, если бы мы поразмыслили над этим, то смогли бы натренировать вас смеяться более правдоподобно, но это самое худшее, что мы можем сделать для вас! Ведь, если вы научитесь превосходно копировать мимику и смех весельчаков, то у нас не останется возможности узнать, имеете ли вы чувство юмора. Вот что вы действительно не можете осознать так это то, что не способность смеяться правильно даёт вам чувство юмора, а наоборот. Как только вы обретёте чувство юмора, *тогда* вы автоматически и спонтанно будете смеяться правильно, никак не анализируя свой смех. Да, мы знаем, что вы наизусть заучиваете книги с названиями вроде “Как смеяться правильно”, но мы можем вас уверить, что ни один весельчак никогда бы не написал такой книги. Эти книги полностью противоположны самому духу юмора. Вы должны помнить, что действия весельчака — это лишь внешние проявления Юмора; Юмор сам по себе — это нечто с внутренним духом. И вы не обретёте этот дух через повторения внешних форм поведения.

Другой ваш путь научиться имитации — это нелепые практики запоминания шуток. Утомительным и механистическим способом вы запоминаете тысячи тысяч шуток, и вы думаете, что через это приобретёте чувство юмора! Вы называете эту деятельность “обучением”, а также (это ваши слова) “обучением приобретению чувства юмора”. Но

эти шутки абсолютно бессмысленны для изучения вами до тех пор, пока вы не приобрели чувство юмора. Без этого внутреннего чувства, вы не сможете увидеть истинный смысл этих шуток. Правда, даже без этого чувства, вы можете понимать ситуации, описываемые шутками, но вы не можете воспринимать юмор в них. Что мы называем “юмором в них”? Так как это ни цвет, ни звук, ни вкус, ни запах, ни ощущение тела, вы можете удивляться, чем это вообще может быть. Некоторые из вас продолжают считать, что раз это ни одно из этих чувств, то это нечто “мистичное”, и вы не верите нам, когда мы говорим, что это не так. Однажды, обнаружив в себе юмор, вы поймете, что это ясно, как божий день.

Вернёмся к запоминанию шуток, мы, кстати, можем видеть, что, произнося эти шутки, вы полностью проваливаетесь в том, чтобы увидеть юмор в них. Вы говорите их слишком *серьёзно*. Шутка — это не что-то вроде священного литургического песнопения; это прямо противоположно ему по духу. Вы произносите шутку, точнее цитируете её, как будто только вернулись с похорон. Опять-таки, бесполезно проводить акустический анализ того, что неверно в вашем цитировании шуток, мы можем лишь сказать, что вы должны *сначала* приобрести чувство юмора, а потом правильный способ рассказывать шутки придёт сам по себе.

Наиболее серьёзное ваше преступление происходит, когда вы делаете следующее: вы комбинируете обе техники запоминания шуток и имитации смеха, После чего вы уверены, что у вас случился “приход”. Но, боже всемогущий, как же вы неправы! Первый попугай рассказывает “шутку”, а потом второй попугай повторяет “смех”, и тогда вы *уверены*, что приобрели чувство юмора! Вы не понимаете, что ваша усиленная занятость внешними проявлениями — это то самое, что предотвращает вхождение чувства юмора в ваши души. Более того, вы не верите нам, когда мы убеждаем вас, что вы дальше от цели, чем когда бы то ни было. Вы злитесь и требуете нас представить вам *научное доказательство* того, что вы не имеете чувства юмора. Вы полностью отклоняете нашу интуицию в этом случае, с гневом покидаете наши монастыри и выходите в мир, утверждая, что вы являетесь “подлинными весельчаками”. Нет ничего более саботирующего нас, чем это! Скептики, которые встречают вас, только укрепляют свои убеждения, что юмор это нечто, являющееся “всего лишь притворством и заблуждением”. Верующие юмористы, которые убеждены, что юмор реален, но завидующие тем, кто имеет его и считающие, что подлинных весельчаков больше не существует, опять-таки упрочняют свои убеждения, когда встречают псевдо-весельчаков. Да, псевдо-весельчаки — это одна из основных причин исчезновения юмора с лица этой планеты. Мы пытаемся идти против этого течения, но Бог знает, достигнем мы успеха или нет.

IV. Великая Легенда

Вдобавок к монастырям, которые мы описали, существовали также церкви, называемые “Церкви Юмора” или “Церкви Смеха”. Они были расположены, в основном, в городах. По духу они сильно отличались от монастырей. Верующие в них собирались раз в неделю — в смехоту² — чтобы поклониться у алтаря Смеха. В Ранний Средний Период в церкви на самом деле был смех. Прихожане собирались, Первосвященник читал древние тексты, а все совершали над ними великий смех. Но века проходили, и смех всё больше и больше исчезал из церквей (да и вообще из мира) и люди постепенно переходили к *почитанию* смеху. Они больше не смеялись, но начали “молиться Смеху”.

Во время Средне Среднего Периода, великим вопросом человечества был вопрос «Почему Смех исчезает с нашей планеты?» Было предложено много гипотез, однако больше напоминающих “легенды”, чем научные теории. Существовало множество таких легенд, и церкви начали делиться на группы, основываясь на том, какую легенду они считали прави-

---

² В оригинале “Laughday” — день смеха в неделе. В английском языке все дни недели заканчиваются “-day”. — прим. перев.

вой. Церкви становились чрезвычайно догматичными и нетерпимыми по отношению друг к другу, проводились религиозные военные походы, когда каждая группа церквей сражалась за свою правду. Одна легенда, известная как “Великая Легенда” была наиболее популярна и вскоре стала доминировать над всеми остальными легендами. Вот эта Великая Легенда.

В дни до Древнего Периода, в самом-самом начале, существовало лишь два человека в мире. Эти люди — назовём их Адамом и Евой — одновременно были принесены в мир Господом. Они родились в Смеххоту. Они жили в полном блаженстве в Саду Смеха. Они, обычно, плыли по течению жизни и смеялись вместе с бабочками и солнечными лучами. Каждый день Господь навещал их в саду и с наслаждением наполнял их души Его восхитительным юмором. Он любил их, шутил с ними и смеялся с ними. И смех их был божественен. Так они проводили свои дни в этом раю много лет до тех пор, когда в один день, странный зелёный зверь, вроде крысы или вроде скунса, с маленькими противными сощуренными глазками пришёл в сад. Зверь³ увидел блаженство этой пары и пропитался великой завистью. Он сказал: «Вскоре я сделаю кое-что с *этим!*» и, конечно, он сделал! Он приблизился к паре и сказал: «Как вы, два взрослых человека, можете проживать свои жизнь таким образом? Вы же не *дети!* Как можете вы бесполезно тратить своё время с этим своим совершенно инфантильным *смехом?* Вы не понимаете, что важные *дела* ждут? Да, это может быть *приятным* для вас, растрачивать всё своё время на смех, но как с таким подходом вы *чего-нибудь добьётесь?* Господь дал вам этот ценный дар жизни, а всё, что вы делаете — это растрачиваете его таким поведением? Устыдитесь! И Господь тоже, почему Он потворствует этой вашей инфантильности? Почему Он упорно продолжает свои ежедневные визиты, рассказывая вам все эти глупые шуточки, и держит вас, как детей? Почему Он боится вашего взросления? У вас тела взрослых, но разумы младенцев. Почему Господь позволяет это? Чего Он боится? Что Он скрывает от вас? Почему Он, претендуя на то, чтобы быть вашим другом, является Тем самым, кто водит вас в заблуждение и ограждает вас от правды о самих себе и выполнения вашей настоящей роли во вселенной? Почему вы терпите это? Есть одна трещинка в доспехах Бога, через которую вы можете спасти себя. Господь дал вам *свободу воли*, через которую вы можете противостоять Ему. Мы можете остановить эту ситуация, *это в вашей власти!* Только своими *усилиями* вы можете удержать Господа от сохранения вас в вечном рабстве».

Так говорило Животное Зла. Он возвращался в сад день за днём и медленно, но уверенно занимал разумы двух Детей Смеха. Сейчас поражает то, что большую часть времени ни Адам, ни Ева по-настоящему не верили Зверю, по крайней мере, на сознательном уровне. Им почему-то не нравилось, как Зверь *выглядел*, было определённое выражение в его глазах, которое вызывало их подозрение. И ещё, Зверь говорил некоторые поразительные вещи. В частности, они были абсолютно поражены, узнав, что наделены такой вещью, как свобода воли! Такая странная идея никогда не посещала их ранее. Их жизни протекали так красиво, счастливо, спонтанно и непринужденно, что им никогда не казалось, что они сами могут *делать* что-то. Было впечатление, что вещи происходят с ними, а не что они сами являются активными личностями. Например, когда они приходили на аромат или красивый вид вкуснейшего фрукта, казалось, что это фрукт манил их как магнит, а не что они *выбрали* съесть фрукт! Надо прояснить, что они не столько чувствовали себя скорее пассивными, чем активными, сколько то, что они никогда не выбирали между пассивностью и активностью. Так что идея, что они могут *выбирать*, была сногшибательной новостью. Она давала им возбуждающее чувство *власти*. Они, со своей свободной волей, могли теперь что-то *делать!* В частности, они могли, если выберут, *добиться чего-нибудь*. Встал вопрос: *должны ли* они добиваться чего-то? Это понятие “должны” так же было совершенно новым. Прежде, когда

---

³ В оригинале “Animal”, т.е. Животное, однако необходимо было сохранить мужской род, чтобы сохранялась аллюзия к Змею из Великой Легенды нашего мира.

они чувствовали себя частью потока жизни более, чем активной стороной, этические понятия “должны”, “можем”, “обязаны” и т. п. не имели совершенно никакого смысла для них. Но теперь они знали больше. Проблемным был вопрос: Будет это *правильно* или *неправильно* для них просто сидеть и наслаждаться жизнью, а не пойти и добиваться чего-то.

Адам и Ева также впервые начали философствовать. Они верили, что Зверь был прав, говоря, что они имеют свободу воли. Но вопрос, который более всего озадачивал их, состоял в том, имели ли они действительно свободу воли *до того*, как Зверь проинформировал их об этом факте. Если они раньше имели свободу воли, то они не *знали* об этом, что они имеют. И возможно ли быть свободным, не зная, что ты свободен? Другими словами, правда ли, как сказал Зверь, что Бог дал им свободу воли или сам Зверь был причиной того, что они имеют свободу воли? По их мнению, иметь свободу воли в действительности не отличалось от убежденности в том, что имеешь свободу воли. Им было интересно, существовали ли другие миры с сознательными существами, как они, и имеют ли эти существа свободу воли. Адам решил, что, скорее всего, ответ таков, что некоторые существа имеют свободу воли, а другие — нет; те, кто верит, что они имеют — имеют, а те, кто не верит — не имеют. Они однажды спросили зелёного Зверя: «Имеешь ли *ты* свободу воли?», Зверь отвечал: «Конечно, имею! И вы тоже можете иметь свободу воли, если выберете это». Ответ их ужасно запутал! Они отвечали: «Что? Ты сказал, мы можем выбрать иметь свободу воли? Ты имеешь ввиду, что свобода воли — следствие *выбора*?» Зверь ответил: «Конечно это так». Ева тогда запротестовала: «Но, я думала, ты сказал нам, что Бог уже дал нам свободу воли», на что Зверь ответил: «В некотором смысле Он её дал, но скорее в пассивном, чем в активном смысле. Скажем так, Бог дал вам *потенциальную возможность* иметь свободу воли. Независимо от того, реализуете ли вы её, она с вами. Бог дал вам *способность* совершать выборы, но он не *подталкивает* вас делать это. Вы можете использовать свободу воли, только если *выберете* это». Адам ответил: «Но если мы *выберем* это, это будет означать, что мы уже *имеем* свободу воли», на что зверь сказал: «Да, это тот смысл, в котором можно сказать, что Бог дал вам свободу выбора».

Весь этот разговор совершенно озадачил пару! И, таким образом, родились науки метафизика и эпистемология. Между тем, у них налицо была проблема в том, что *делать* со своей свободой воли. Должны они или не должны идти дальше и достигать чего-то? Они знали, что были совершенно счастливы в Саду Смеха, но состояла ли их вселенская роль в том, чтобы быть счастливыми или в том, чтобы исполнять свои обязанности? Они обсуждали это много недель и в итоге решили остаться в саду и *не* достигать чего-либо. Они решили доверять Господу, а не Животному Зла. Да, они окончательно поняли, что Господь их друг, а Зверь их противник. Так что однажды, когда Зверь пришёл в сад, Адам сказал: «Ты научил нас многим прекрасным вещам. Ты дал нам знание того, что мы имеем свободу воли. Неважно, научил ли ты нас этому, или какая-то твоя мистическая сила *привела* к тому, что мы стали иметь свободу воли, или Бог был тем, кто “разрешил” нам иметь свободу воли, или же Он “создал нас” имеющими свободу воли, или мы сами “выбрали” иметь свободу воли — мы не знаем. Мы не понимаем феномена свободы воли, однако сейчас мы знаем, что независимо от того, чем она является, мы её имеем. Возможно, мы *выбрали* её иметь, мы этого в действительности не знаем. Всё, что мы точно знаем сейчас — это тот факт, что мы её имеем. И ты абсолютно прав, что мы можем использовать нашу свободу воли, чтобы отвергнуть Господа и Пути Его. Да, мы свободны сделать это. Но понимаешь ли ты, что точно также мы свободны отвергнуть тебя? Да, сейчас мы имеем свободу отвергнуть тебя или Господа. И ты тот, кого мы решили отвергнуть! Своей свободой воли, мы полностью изгоняем тебя из наших разумов и сердец. Мы отвергаем тебя и твои пути. Мы не нуждаемся более в твоих словах. Мы выгоняем тебя из этого сада. Этот сад является *нашей* собственностью; Господь дал его *нам*, а не *тебе*! Это наша частная собственность и ты

больше не может находиться здесь без нашего разрешения. До сих пор мы принимали тебя только в качестве гостя. Но больше ты не являешься желанным гостем. Убирайся прочь из Сада и даже не смей возвращаться. Если мы обнаружим тебя здесь снова, то мы убьём тебя». Зверь ушёл без единого слова и никогда не возвращался.

Адам и Ева испытали облегчение. Они знали, что выбрали поступить правильно. Но, увы, их неприятности только начинались! Хотя на сознательном уровне они выбрали принять Господа и отвергнуть Зверя, но яд Зверя проник в их бессознательные души и привёл к сильному инфицированию их психики. Эта инфекция росла и расширялась день ото дня. Бол ворвалась в их души, и они не понимали почему. Хотя они и решили остаться в саду Господнем и не беспокоиться о достижении чего-либо, но на глубоком уровне они чувствовали, что *должны* достичь чего-то. Они становились необычайно тревожными и неудовлетворёнными. Неприятные мысли проходили через их умы, день за днём они становились всё более раздражёнными и подавленными. Удовольствие стало уходить из их жизней. Они более не были уверены, что могут быть счастливы в Саду Смеха.

И пришёл Судный День. Они провели долгую и беспокойную ночь с неприятными снами. Обоим им снилось, что они проходят через веки вечные и никогда не достигают ничего. Утром они проснулись в состоянии полного изнеможения. Вдвоём они печально побрели к ручью и сидели там в своих мрачных размышлениях. Господь пришёл в свой обычный час и заметил, что они грустны. Он попытался приподнять им дух одной из своих шуточек. К этому моменту, Адам был нервирован и напряжен до предела, он со злобой огрызнулся на Господа: «Мы не развеселились! Твои шутки *не* смешные!» Господь долго, пристально и печально смотрел на них, а потом произнес: «Ну что же, значит, вы выбрали отвергнуть Меня, мои пути и мой юмор. Я не буду попытаться изменить вас, на самом деле, я бы и не смог, если бы хотел. Я не могу *сделать* вас смеющимися, и не стал бы, если бы мог. Вы действительно имеете свободу воли, как ваш замечательный тайный друг сказал вам. Мы можете идти и “достигать что-то”, чего вы на глубоком уровне и хотите. Да, вы можете достигнуть многого — действительно вы можете даже породить целый народ. Идите и делайте это. Но вы и ваше потомство не будете иметь меня, направляющего вас моим юмором. Я буду наблюдать за вами, но я не буду с вами. Медленно, но уверенно, юмор будет исчезать из мира. Без присутствия меня, вводящего свежий юмор в ваши души, он будет медленно чахнуть и умирать. Только когда пройдут века, когда мир окажется в наичернейшей степени отчаяния, тогда вы поймёте вашу бесконечную необходимость по мне и моих путях, *тогда* вы найдёте верный способ позвать меня обратно. И когда вы искренне позовёте меня обратно, я вернусь. А до этих пор, адью!

V. Возвращение в Современный Период

Так вещал Господь, и так всё происходило. С течением того, как смех всё больше и больше исчезал с лица планеты, люди Среднего Периода понимали, что это скорее трагическая потеря, чем польза, и они делали всё возможное, чтобы воспрепятствовать развитию этого. Только в самом конце Среднего Периода впервые в человечестве появилась идея, что смех далек от того, чтобы быть чем-то хорошим, а он нечто совершенно нежелательное. Люди начали говорить: "Может, нам стоит *прекратить* попытки препятствовать отливу юмора. Может быть отлив — это наше благо, а мы не знаем этого? Может этой глупой и архаичной штуке, называемой “Юмор” давно уже пора исчезнуть? Возможно, смех был чем-то подходящим для *дикарей*, а сейчас мы становимся *цивилизованными*!» Да, вот так начали говорить. Сначала смех они называли чем-то “глупым”, но потом стали использовать более сильное слов “безумие”. Потом идея о том, что юмор — это одна из форм психоза, полностью захватила всё человечество; смех стал видом психической патологии. Это было предтечей Современного Периода.

Итак, мы вернулись в Современный Период. Типичным для этого периода стал факт, что большинство людей не называли Древний, Средний и Современный периода такими именами, вместо этого использовались “Период Психоза”, “Период Выздоровления” и текущий “Здоровый Период”. Да, мир выздоровел, всего несколько весельчаков осталось. Если бы только мы знали, как их вылечить!

Мы возвращаемся к тому, на чем остановились в главе I. Мы оставили докторов в затруднении, как найти подходящий баланс между смехозоном и неискеннозоном, который сделал бы весельчаков *искренне* прекратившими смеяться. Болезненный факт, с которым пришлось столкнуться, состоял в том, что весельчаков нельзя было вылечить навсегда, по крайней мере в обозримом будущем. Что же делать? Медицинские мнения разделились на два разных лагеря, госпитали также разделились на два сильно отличающихся типа. Госпитали первого типа назывались “госпитали смеха-криков”, а второго типа — “госпитали чистого смеха”. В госпиталях смеха-крика доктора поняли, что пациенты не могут быть излечены полностью, человек признанный пациентом оставался таким на всю жизнь. И всё, чем можно было ему помочь — это повторение лечения смехозоном снова и снова, до конца жизни пациента. Дисциплина в этих госпиталях была железной, ни одного пациента не выпустили, лечение же никогда не прекращалось. Было решительно, но болезненно признано, что хотя постоянное излечение невозможно, смехозон обеспечит временное излечение, и каким бы болезненным оно ни было, для пациента лучше, если он будет сталкивать лицом к лицу с реальностью и кричал, чем удалялся в свой фантастический мир юмора и смеялся.

По каким-то неизвестным причинам, пациенты госпиталей смеха-крика не жили очень долго. Некоторые из них доживали до шестого или седьмого лечения.

Философия госпиталей чистого смеха была совершенно отличающейся. Они соглашались с госпиталями смеха-крика в том, что смех невозможно излечить навсегда и весьма сомнительно, что его можно вылечить даже на время. В любом случае, даже если временно излечить можно, то стоит ли это того? Почему бы ни позволить пациентам наслаждаться своими жизнями, что плохого в том, что они пребывали в своих фантазиях? Как и в госпиталях смеха-криков, в госпиталях чистого смеха пациенты содержались до конца жизни. Однако лечение смехозоном не проводилось — *не было никакого лечения вообще!* Психиатры этих госпиталей сказали своим пациентам: «Вы неизлечимы; ваш психоз безнадежен. Нет *ничего*, что вы можете сделать, чтобы поправиться. Поэтому не *пытайтесь* поправляться, не *боритесь* со своим психозом, а просто живите с ним. Другими словами, попытайтесь настроиться *по системе взглядов* к вашему смехопсихозу. Вы должны научиться жить с ним! Вы должны научиться *наслаждаться* вашим юмором». Один из пациентов ответил: «Но доктор, мы *и так* наслаждаемся нашим смехом! Мы уже *являемся* настроенными на наш юмор». Доктор, возможно, не донца его понявший, ответил: «Нет, нет; вы должны научиться *жить* с этим». Кроме этих глупых замечаний докторов, которые всё равно лишь смешили пациентов, пациенты в госпиталях чистого смеха были очень счастливы. Всё было создано для их счастья. Вообще, госпитали чистого смеха вообще не были госпиталями в строгом смысле этого слова, а были изоляционными центрами. Их единственная функция заключалась в предупреждении заражения всего внешнего мира от этого смехопсихоза. Но было сделано всё, чтобы сделать их комфортабельными. Пациенты могли сами выбирать, работать им или нет. Им давали лучшую еду, большие жилые помещения и множество развлечений. Госпитали обычно располагались на огромных участках земли, и пациентам разрешалось прогуливаться по прекрасным землям. Были обеспечены все удобства для образования, каждый госпиталь имел внушительную смехо-библиотеку со всеми текстами Древнего и Среднего периодов. Обитатели также могли получать различные научные степени, к слову, большинство д. ю. н. (докторов юмористических наук) являлось госпитализированными весельчаками. Другим замечательным фактом было то, что пациенты могли жить семьями, поэтому члены семей содержались вместе в госпиталях чистого смеха.

Так что условия в госпиталях чистого смеха были близки к идиллии, за исключением одного! Жизни пациентов омрачали мысли об ужасной судьбе их собратьев в госпиталях смеха-криков! «Боже мой, — говорили они. — как несправедливо то, что наши собратья кричат до смерти, пока мы тут свободно наслаждаемся своим смехом». Так что каждый день они совершали богослужения, моля Бога помочь пациентам госпиталей смеха-криков. Через какое-то время было решено, что одних молитв было недостаточно и, возможно, им стоило что-то *сделать*. И они нашли кое-что, что можно было сделать. Вскоре будет рассказано больше об этом.

С точки зрения весельчаков в госпиталях чистого смеха, *они* были психически здоровы, а весь остальной мир сумасшедшим. Они были уверены, что ничего кроме чувства юмора не сохраняло человека в здравом уме. Да, они принимали себя за здравомыслящую субкультуру, живущую посреди безумной культуры. Некоторые, наиболее просвещенные психиатры в действительности поддерживали их в этих убеждениях! Несмотря на то, что сами они *знали* правду о том, что весельчаки безумны, они чувствовали, что с точки зрения психологии, весельчакам будет лучше иметь иллюзию, что они в здравом рассудке.

Один из весельчаков однажды сказал большой группе своих коллег: «В каком мире мы живём! С этим сложнее справиться, чем с наиболее деспотичным диктаторством. Диктаторы, по крайней мере, *сознательно* злы, они точно знают, что их мотивирует алчность и стремление к власти. Но эти доктора в госпиталях смеха-криков! Они совершенно безумны! Они действительно верят, что помогают своим пациентам! Как можно справиться с *этим*? Мы *ничего* не можем сделать? Конечно, мы можем найти что-нибудь!»

И, как я сказал ранее, они действительно кое-что нашли. Во-первых, порой случалось, что пациенты сбегали с госпиталей смеха-криков и незамедлительно перебегали в госпитали чистого смеха, где их с радушно принимали. Это дало пациентам чистого смеха идею, которую они ждали: Они *сами* все вместе сбегут с госпиталей чистого смеха, организуют рейда на госпитали смеха-криков, освободят всех смехо-заключённых и приведут всех пациентов в госпитали чистого смеха. Это послужило началом Великого Заката госпиталей смеха-криков.

Да, они на самом деле пришли к своему закату и со временем прекратили существование. Сейчас неизвестно в точности, как это произошло. Частично это было результатом рейдов из госпиталей чистого смеха. Другим важным фактором служило то, что весельчаки из внешнего мира решили, что им слишком опасно оставаться там, где они находятся, так как их могут поймать и заключить в госпиталь не того типа. Так что они добровольно пришли в госпитали чистого смеха на лечение и все были приняты. Так и пришёл тот день, когда во внешнем мире не осталось весельчаков: большинство было теперь в госпиталях чистого смеха, а меньшинство — в госпиталях смеха-криков.

Тогда произошёл перелом в морали и дисциплине госпиталей смеха-криков. Всё больше и больше докторов стали испытывать отвращение к лечению смехозоном; всё больше и больше они решали, что это, в действительности, *не* было гуманно. Некоторые из них стали сомневаться в том, что смех вообще является заболеванием, но они не отважились рассказать о своих взглядах, дабы у них не отобрали медицинские лицензии. Также, существовало большое давление снаружи в этом направлении: люди были уверены, что смех был заболеванием, однако они чувствовали, что крики были ещё хуже, чем смех. И так, один за другим, госпитали смеха-криков превращались в госпитали чистого смеха, пока не настал один прекрасный день, когда госпиталей смеха-криков не осталось вообще. Все весельчаки мира теперь содержались в госпиталях чистого смеха.

В этой точке истории, госпитали чистого смеха стали очень переполненными. Поэтому они распространялись до уровня смехо-ферм, смехо-городов и других типов смехо-общин. Условия в смехо-общинах были превосходными. Несмотря на то, что обитатели не могли свободно их покинуть, они имели действительно всё, что их душа пожелает. Они были почти

абсолютно счастливы. Единственные печальные мысли были о тех, кто живет за пределами смехо-общин и кто никогда не знал о радости смеха. Что можно было сделать для них? Ничего, решили они. Но они не предусмотрели развития событий по невероятному сценарию. Вот что случилось:

Внешний мир относился к смехо-общинам с большим уважением. На деле, условия жизни внутри общин были намного выше, чем снаружи. Это привело к экстраординарным последствиям, породив массовую эпидемию во внешнем мире психоза неискренности. Да, один за один, люди извне становились неискренними и *притворялись* весельчаками, чтобы их могли заключить в смехо-общины. Этих притворяющихся весельчаков не следует путать с псевдо-весельчаками Среднего периода. Псевдо-весельчаки находились в глубоких поисках юмора и думали, что через запоминание шуток и имитацию смеха весельчака, они обретут чувство юмора. Другими словами, псевдо-весельчаки никогда не пытались обмануть кого-нибудь ещё, но они полностью обманывали сами себя. Но весельчаки-притворцы настоящего прекрасно знали, что не имеют чувства юмора и их это не волновало, они сознательно лгали лишь для того, чтобы попасть в смехо-общины с их высоким уровнем жизни. Психиатры, стоящие в руководстве смехо-общин были полностью обмануты и впускали их, но постоянльцы, конечно, видели как всё было на само деле. Но они были счастливы, потому что они верно предсказывали то, что произойдёт. А произошло следующее: попав в окружение ненормального большинства истинных весельчаков, весельчаки-лжецы в скором времени сами подхватывали заболевание смехом, и за несколько недель полностью превращались в настоящих весельчаков. И так, один за один, невесельчаки солгав попадали в смехо-общину и вскоре становились истинными весельчаками. Впоследствии, даже психиатры поддались этому, и в мире больше не существовало невесельчаков. Целая планета превратилась в один огромный смехо-госпиталь. Сад смеха вернулся и распространился на всю планету. Человечество в итоге нашло свой причудливый путь к тому, чтобы вернуть Господа и Пути Его. Пророчество Господа сбылось.

Эпилог на Небесах

Бог, наслаждаясь, лежал на своем диване на Небесах, окружённый Его хором смеющихся ангелов. Немод (зелёный зверь) лежит у Его ног и с нежной привязанностью лижет пальцы Его ног, а Господь с нежной привязанностью гладит Немода по голове. Один из ангелов сказал: «Господь, неисповедимы твои пути, как *сделал* ты это?» Господь засмеялся и ответил:

«Вообще это не было таким уж трудным! Основной проблемой для меня было привести Адами и Еву к вере в то, что они имеют свободу воли. Эти люди по-настоящему удивительны, они прямо как дети! Единственный путь заставить их сделать что-то — это сделать так, чтобы они думали, что *они сами* делают это. Их гордость такая большая, что без иллюзии свободы воли они никогда не пойдут достигать чего-нибудь. Поэтому я должен был запрограммировать их мозги так, чтобы они верили, что на самом деле имеют свободу воли. Но как я мог сделать это? Как я могу любое сознательное существо заставить верить во что-нибудь настолько фантастическое. Проблема была непростой! Если бы я спустился и просто *сказал* им, что у них есть свобода воли, то они бы совершенно не способны были бы мне поверить. Они бы посмотрели на меня с широко раскрытыми глазами и сказали: «Но это *фантастика!* Ты, должно быть, *шутишь!* Мы совершенно не чувствуем никакой свободы!» Да, перед этим я с ними шутил так много, что они, чем поверить в такую фантастическую историю о свободе воли, скорее примут её за очередную шутку (и, в каком-то смысле, будут правы!). Нет, я был, *несомненно*, не тем, кто скажет им. Кто же тогда? Ну, наш друг Немод, находящийся здесь, выглядел как раз как тот, кого можно вовлечь в это. Я должен был послать к ним кого-то, кто выглядел очень серьёзно и немного отпугивающим. Но чтобы подрядить Немода на это, я сначала должен был убедить *его*, что он имеет свободу воли. Как я мог сделать это? Он, очевидно, не поверил бы мне, если бы я ему это сказал — он слишком умён. Так что я решил использовать что-то вроде комбинации гипноза и ментальной телепатии. Но,

чтобы сделать это, я должен был сначала сделать так, чтобы *я сам* верил в то, что я имею свободу воли! Причина этого в том, что я должен был знать, как *ощущать* себя свободным, чтобы телепатизировать это чувство в Немода. Так что сначала я должен был запрограммировать себя. Это и было наиболее сложной частью всей операции! Вы даже не представляете себя, как это сложно обдуманно убедить себя в том, что, как я знаю, является ложью, просто по той причине, что временная вера в эту ложь может быть полезной. И, кроме того, я должен был быть уверен, что я не стану навсегда убеждённым в этом, так как тогда я бы навсегда стал ненормальным, а тогда вся вселенная станет ненормальной, и я могу перестать существовать. Так что я сделал себе пост-гипнотическое внушение, что в тот момент, когда я успешно внедряю в Немода убеждение о том, что он имеет свободную волю, тогда немедленно ко мне вернется здоровое мышление и я снова буду знать, что не имею свободы воли. Именно так всё и случилось. И, как только я сделал Немода убеждённым в том, что он имеет свободу воли, тогда я мог манипулировать им так, чтобы он думал о себе, как о “злом”, “восставшем против меня”, “ненавидящем меня” и тому подобное. Я сделал его уверенным в том, что я, его создатель, каким-то образом чувствую своё “превосходство” над ним и “властвую” над ним. Это по-настоящему укололо его чувствительность и привело к тому, что он сказал: «Что этот Господь возомнил о Себе? Я Ему покажу!» Вскоре, он стал *противостоять* мне. Это было ключевым в моих планах. Потом он незаметно ускользнул, спустился вниз и ввёл в заблуждение Адама с Евой. Окончание этой истории — это известная история».

Ангелы смеялись долго и громко над мудростью Господа. Один из них сказал: «А ты, Немод, когда *ты* стал догадываться об этой игре Господа?». Немод ответил:

«На самом деле никогда до тех пор, пока Сад Смеха не вернулся, распространяясь на всю планету. Во-первых, после того как Господь загипнотизировал меня и заставил верить в то, что я обладаю свободой воли, и после того, как Он запрограммировал меня ненавидеть Его, я, конечно, придумал дьявольские планы, как развратить планету. В день, когда Адам и Ева были выгнаны из сада, я знал, что выиграл. И после этого, когда пара отправилась “достигать чего-нибудь”, я потирал свои ладони в ликование! А затем, когда юмор стал исчезать с планеты, каким же сильным было моё наслаждение! Мои планы сработали. (Тогда я не думал, что это на самом деле планы Господа!) Но потом, когда пришёл Средний Период, я весьма обеспокоился возвышением Мастеров Смеха. Казалось вполне возможным то, что *они* могут возродить юмор на планете. И *я* был тем самым, кто ответственен за возникновение псевдо-весельчаков. Я тот, кто нашептывал в их души мысли о том, что они могут обрести чувство юмора, запоминая шутки, и тренирую себя “смеяться правильно”. Да, так как юмор был ценным, мне было необходимо обмануть людей так, чтобы они *думали*, что они имеют чувство юмора, тогда как на самом деле они его не имели.

Затем, когда наступил Современный Период, и люди решили, что юмор — это некий “психоз”, я был, конечно, на вершине блаженства! И затем, когда появились госпитали смеха-криков, я был вне себя от радости! И когда я слышал весь этот истошный плач крикунов, я подпрыгивал от удовольствия! Только подумайте, *я* был ответственен за всю эту боль! Да, *я* имел эту мощь! *Я* противостоял Господу и принёс все эти страдания миру! Да, маленький *я* сделал всё это! *Я действительно* чего-то достиг! Но, затем, когда госпитали смеха-криков стали пропадать, я сильно забеспокоился. Что было не так в моих планах? Не говорите мне, что после всего этого Господь выиграл! Боже милостивый, *я действительно* достиг чего-то или я просто обманывал себя? И когда последний госпиталь смеха-криков исчез, я был в состоянии совершеннейшей паники. А когда невесельчаки *выдавали* себя за весельчаков, чтобы попасть в смехо-общины, а потом сами становились весельчаками, я был в полном отчаянье. Я знал, что игра подходит к концу, у меня не было ни единого шанса. Так что мне оставалось только хмуро ждать дня, когда смех окончательно вернётся. Так, конечно, и получилось!

Затем правда обо всей ситуации внезапно пронзила меня, как нож. Меня обманули! Да, я был совершенно и полностью обманутым! Я внезапно увидел, как все мои действия, которые я предпринимал в противостоянии Господу, на самом деле были лишь частью планов

Господа! Боже мой, я противостоял Господу только потому, что *Он* хотел этого! Он обманул меня, заставив верить в то, что я имею свободу воли, и что *я* был тем, кто сделал всё то, что я сделал. Я был лишь пешкой в игре Господа в космические шахматы!

О, как же я злился и кричал, и кипел от злости, и тряс своим кулаком перед Господом! Я клялся во вселенском мщении! Но, злясь и кипя, я внезапно понял, что я это делал только потому, что господь *хотел* от меня этого, это также было частью Святого Плана. Другими словами, делая то, что я должен, делая то, что я мог, не было на самом деле никакого пути, чтобы я *мог* реально противостоять Господу; любое моё действие было Его! Тогда, юмор всей этой ситуации внезапно открылся мне! Я повалился на землю и смеялся, смеялся, смеялся так, как я не смеялся за всю жизнь! Я катался по земле и смеялся, пока на глазах не выступили слёзы! Никогда прежде у меня не было такого прекрасного времени и чувства такой восхитительной *свободы*! Свобода воли была лишь кошмарной иллюзией, я, наконец, был свободен от этого ужаса. И пока я смеялся и смеялся, я очищался. Зло, гордыня, непослушание, подлость, любовь к страданиям — все эти вещи были смыты моим смехом. И, когда я перестал смеяться, я был так чист, как в день, когда был рожден. Теперь я любил Господа, я любил планету, я любил вселенную, я любил *всё*. Тогда я вознёсся на Небеса и обнял Господа. Это было возвращение Блудного Сына».

Господь улыбнулся всем вокруг и произнёс: «Неисповедимы пути Пути. Как счастливо всё стало на этой планете — в точности, как я предсказывал!»